

ДОМ В СТАРОМ ШАНХАЕ

СЕМЕЙНАЯ САГА
О ЛЮБИ, ВЛАСТИ И ГОРОДЕ,
КОТОРОГО БОЛЬШЕ НЕТ

ЛАУРЕАТ
29
КНИЖНЫХ
ПРЕМИЙ

18+

ИЗАБЕЛЬ СУН ЧАО
КЛЭР ЧАО

Лаковая шкатулка. Коллекция реальных историй Востока

Клэр Чао

**Дом в старом Шанхае. Семейная
сага о любви, власти и
городе, которого больше нет**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Чао К.

Дом в старом Шанхае. Семейная сага о любви, власти и городе, которого больше нет / К. Чао — «Эксмо», 2021 — (Лаковая шкатулка. Коллекция реальных историй Востока)

ISBN 978-5-04-255226-7

Лауреат 29 книжных премий, включая Гран-при Writer's Digest и премию Robery Book Award в номинации «Книга года». Реальная история пяти поколений знатной шанхайской семьи на фоне слома исторических эпох. 1930-е годы, Шанхай. Город джаза, роскошных шелковых ципао, ночных клубов и красивой жизни. А за стенами богатых особняков уже готовится военный переворот... Восемнадцатилетняя Изабель Сунь, третья дочь в богатой семье, уезжает на каникулы в Гонконг. Она берет с собой лишь небольшой саквояж с летними платьями, не подозревая, что навсегда прощается с домом и прежней жизнью. Спустя почти шестьдесят лет она вернется в родной город, чтобы вновь увидеть дом, где выросла, и по крупицам собрать историю своего прошлого. Любовь и предательства, похитители и наложницы, сверкающие дворцы и криминальные авторитеты – этого города больше нет, но его тайны живут в семейных преданиях, старых фотографиях и истории пяти поколений одной семьи. Это не просто семейная сага, а увлекательное погружение в историю и культуру Китая:

- описание обычаев и нравов богемного Шанхая;
- особенности китайского языка;
- эволюция ципао (культового платья);
- тонкости чайных церемоний и искусства каллиграфии;
- кулинарные изыски, пекинская опера и шошу, маджонг и др.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-255226-7

© Чао К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Предисловие. Всего восемнадцать	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Изабель Сун Чао, Клэр Чао

Дом в старом Шанхае.

Семейная сага о любви, власти и городе, которого больше нет

Remembering Shanghai © 2021 Isabel Sun Chao, Claire Chao.

Original English language edition published by Girl Friday Books 318 W Galer Street Suite 101, Seattle Washington 98119, USA.

Arranged via Licensors Agent: DropCap Inc. via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevskiy Agency. All rights reserved.

© Малышева А. А., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

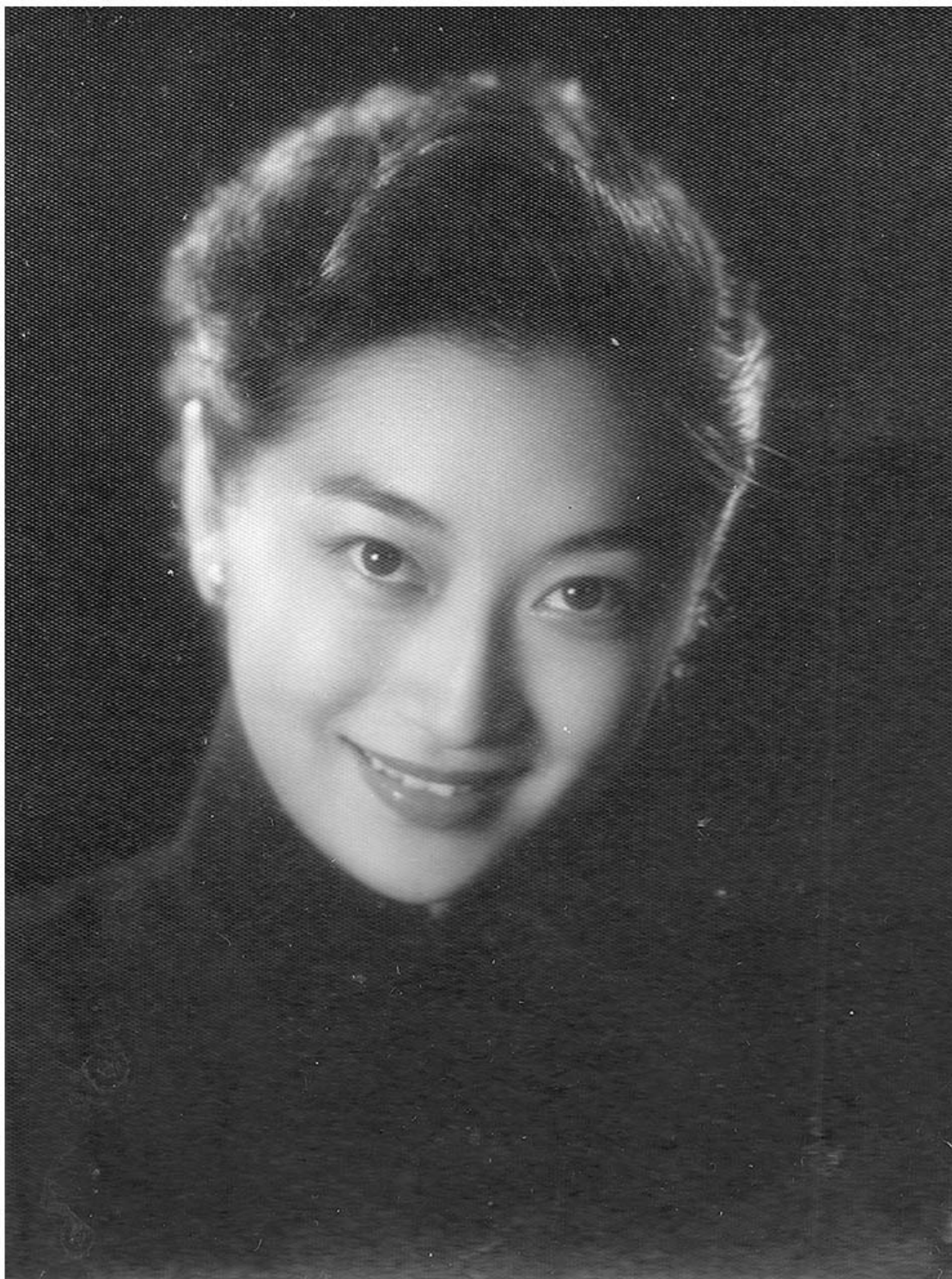
Изабель Сунь Чао и Клэр Чао, Гонконг

1968. *Тем, кто был до нас...* Клэр Чао (дочь)

2016. ...и тем, кто будет после нас. Изабель Сунь Чао (мать)

Изабель

Предисловие. Всего восемнадцать

ШАНХАЙ, 2008 г.

Дом выглядит солидным и благородным, его высокий фронтон под светлым шанхайским небом будто светится теплым кремово-желтым светом. Мы с дочерью уже некоторое время стоим, взявшись под руки и не обращая внимания на гудки нетерпеливых водителей, и смотрим на дом, который я покинула шестьдесят лет назад. Вслед за Клэр перевожу взгляд на второй этаж, на окно с красно-коричневой рамой. Что-то здесь не так. На стенах здания явно свежая краска, но оконное стекло покрыто толстым слоем грязи, словно его не мыли десятилетиями.

В вихре пыли, казалось, вновь оживают потревоженные шумом шанхайского транспорта, давно забытые воспоминания.

Меня преследует последний образ детства: бабушка, как статуя, застыла у того самого окна, непоколебимый взгляд следит за каждым моим движением; сама же я готовлюсь к отъезду. В восемнадцать лет я впервые собираюсь провести каникулы в Гонконге. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь решетчатую ограду, заливают сад легким утренним светом, который смягчает очертания всех предметов, прежде чем дневной зной станет невыносимым. У входной двери выстроились слуги, чтобы посмотреть, как отец меня провожает. Он с привычной нежностью обнимает меня за плечи, но, когда смотрит сквозь круглые очки, выражение лица серьезно.

– Береги себя, Третья дочка. Мысленно мы с тобой.

Чувствуя себя элегантной и взрослой, сжимая в руках новый розовый саквояж, я плюхаюсь на потертое сиденье велорикши, который каждое утро отвозил меня в школу. Вот мы проехали мимо гаража, где стоял большой американский «Бьюик» – все эти годы он простаивал без дела, так как у нас не было бензина, однако все еще сиял, словно ониксовая скульптура в музее.

Стук педалей рикши всегда меня убаюкивал – но в то утро было не до сна. Никогда прежде я не расставалась с родными и друзьями, а вскоре мне впервые в жизни предстояло сесть на поезд и отправиться туда, где, по мнению некоторых, было даже интереснее, чем в Шанхае.

Я оглядывалась, вдыхая сладкие нотки жасмина, распускавшегося по ночам. Дом становился все меньше и меньше, а бабушка все стояла и стояла неподвижно в окне спальни. Отчего-то я знала: она будет стоять так еще долго – пока я не исчезну за поворотом нашей улочки, а рикша не наберет скорость, выезжая на оживленные бульвары Международного квартала.

«И почему ее взволновал мой отъезд? – думала я. – Ведь я вернусь через несколько недель». И внезапно в голове родилась еще более забавная мысль: надо привезти ей из Гонконга каких-нибудь вкусных конфет – в Шанхае такие вещи в дефиците.

Из воспоминаний меня вырывает голос Клэр:

– А дом сильно отличается от того, каким ты его запомнила?

– Теперь все кажется гораздо меньше... и как-то печальнее...

– Мам, я знаю, тебе нелегко. Если не хочешь, не станем заходить внутрь.

Я лишь плотнее запахиваю кардиган.

– Ничего. Мы ведь проделали такой путь.

Дочь была права: я не горела желанием вернуться в дом, где прошло мое детство. Сама она с гораздо большей решимостью принимает жизнь такой как есть, не боясь окунуться с голо-

вой в пестрое прошлое нашей семьи. В самом деле, в роду у нас были и видные общественные деятели, и ученые, и всякого рода проходимцы. Не сомневаюсь, что моей решительно настроенной дочери удастся по кусочкам собрать мозаику нашей истории, несмотря на неразбериху и хаос, царившие в годы японской оккупации, гражданской войны и коммунистической революции.

Мы переводим взгляды с нашего дома на оживленную улицу: мимо, словно гигантские механические пчелы, снуют мотоциклы, вокруг, как в улье, гудит шанхайский диалект, а из крошечных динамиков льются популярные тайваньские баллады. Вглядываясь в пятна проносящихся мимо машин и плотные ряды магазинчиков, я пытаюсь понять, где была наша изгородь – та бамбуковая решетка, которая огибала всю придомовую территорию и за которой, как в коконе, прошло мое детство.

Дом на Чжэньнин-роуд, 367, где прошло мое детство. Октябрь 2008 г.

Теперь там, где целую жизнь назад из кабинета отца и с веранды открывался вид на наш пышный сад, ютятся торговые лавочки. На некогда тихой улочке я вижу магазинчик скобяных изделий, табачную лавку, дамский бутик и блестящую красную вывеску QUIK.

– Моя Пятая сестра говорила, что власти расширяли дорогу пятьдесят лет, – рассказываю я Клэр. – Всякий раз они отрезали от нашего участка все более жирный кусок, пока от него совсем ничего не осталось – ни забора, ни прекрасного сада.

Я вглядываюсь в лицо дочери, в котором, словно в зеркале, отразилось мое собственное: те же раскосые глаза, широкий нос с легкой горбинкой, пухловатые губы.

– Когда к власти пришли коммунисты, мне было всего восемнадцать – я была беззаботна и безнадежно наивна. Все мои мысли были о кино, ночных клубах и модных журналах. Даже когда Мао возглавил Коммунистическую партию Китая, я не придавала этому особого значения. Один за другим город покидали наши друзья, но я и подумать не могла, что и нам, возможно, придется уехать из Шанхая.

Мы переходим оживленную дорогу. Как странно входить в дом прямо с улицы!

– Мы всегда заходили через садовую дорожку. Должно быть, когда строили дорогу, все закатали в асфальт.

На пороге дома, словно в портале прошлого, я ощущаю прилив давно уснувших воспоминаний.

– Сложно представить двух более непохожих людей, чем мои родители, – рассказываю я. – Мума¹ была очень мягкой и ко всему относилась спокойно. В молодости жила лишь маджонгом и огнями ночного города.

– А твой отец? Ты почти никогда о нем не рассказывала.

– Я очень жалею, что вы с ним не познакомились. Деде² был коллекционером произведений искусства и изучал труды Конфуция. Пока ты росла, мне даже думать о нем было тяжело. После отъезда из Шанхая ему пришлось нелегко.

Клэр сжимает мою руку:

– К тому времени твои родители уже развелись, да?

– Да, и мама жила в Гонконге. Когда Деде сказал, что я могу съездить к ней в гости на пару недель, я пришла в полный восторг. Тогда я была наивной девочкой, и предложение показалось мне лучшим в мире подарком. – Тяжело вздыхаю. – Я взяла с собой всего несколько летних платьев – подумать не могла, что никогда больше не увижу ни папу, ни бабушку. Онито, разумеется, знали, что я могу не вернуться.

Клэр, вытянув шею, заглядывает в окно спальни.

– Вот почему бабушка все стояла и смотрела тебе вслед... Как думаешь, они были бы в шоке, если бы увидели, каким дом стал сейчас?

Тяжелая металлическая калитка, покрашенная в коричневый цвет, выглядит зловеще и чужеродно на фоне окружения; она заменила ту, испанского стиля, что когда-то украшала арочный вход в наш дом. Мы пытаемся открыть ее, но она заперта.

Словно нищие побирušки, мы вынуждены обходить магазин за магазином, спрашивая, нет ли у кого ключа. Всякий раз я объясняю на шанхайском диалекте: «Я жила в этом доме ребенком и приехала из Гонконга с дочерью в поисках воспоминаний».

– Надо было одеться неприметнее, – шепчет Клэр. – Сразу видно, что мы не местные.

Это уж точно! В каждой лавке продавцы оглядывают нас с настороженным любопытством: мой кашемировый костюм и жемчуг, загорелое и какое-то чужеземное лицо моей дочери – отголосок ее жизни на Гавайях. Хотя, сказать по правде, сегодня я и в самом деле оделась попроще! Замечаю, как настороженный взгляд хозяйки одной из лавочек, вначале лишь тронутой любопытством, сменяется безмолвным сочувствием к нашей семье, которая, должно быть, стольким владела до революции и столь много лишилась. Как и миллионы людей, чьи жизни оказались разбиты вдребезги.

Наконец табачник словно из ниоткуда извлекает ключ от нашего дома.

– Готова? – спрашивает Клэр.

Я поправляю сумку, и мы выходим из киоска, оставляя табачника за стойкой.

Дверь с громким, хриплым скрипом открывается, а потом с оглушительным лязгом вновь захлопывается, усиливая мое волнение. Гул улицы стихает. Выключатели не работают – да и светильников здесь нет. Постепенно глаза привыкают к темноте, из мрака медленно проступает прихожая. Некогда элегантная и гостеприимная, теперь она совершенно пуста, не считая ржавого велосипеда, прислоненного к стене с осыпающейся штукатуркой.

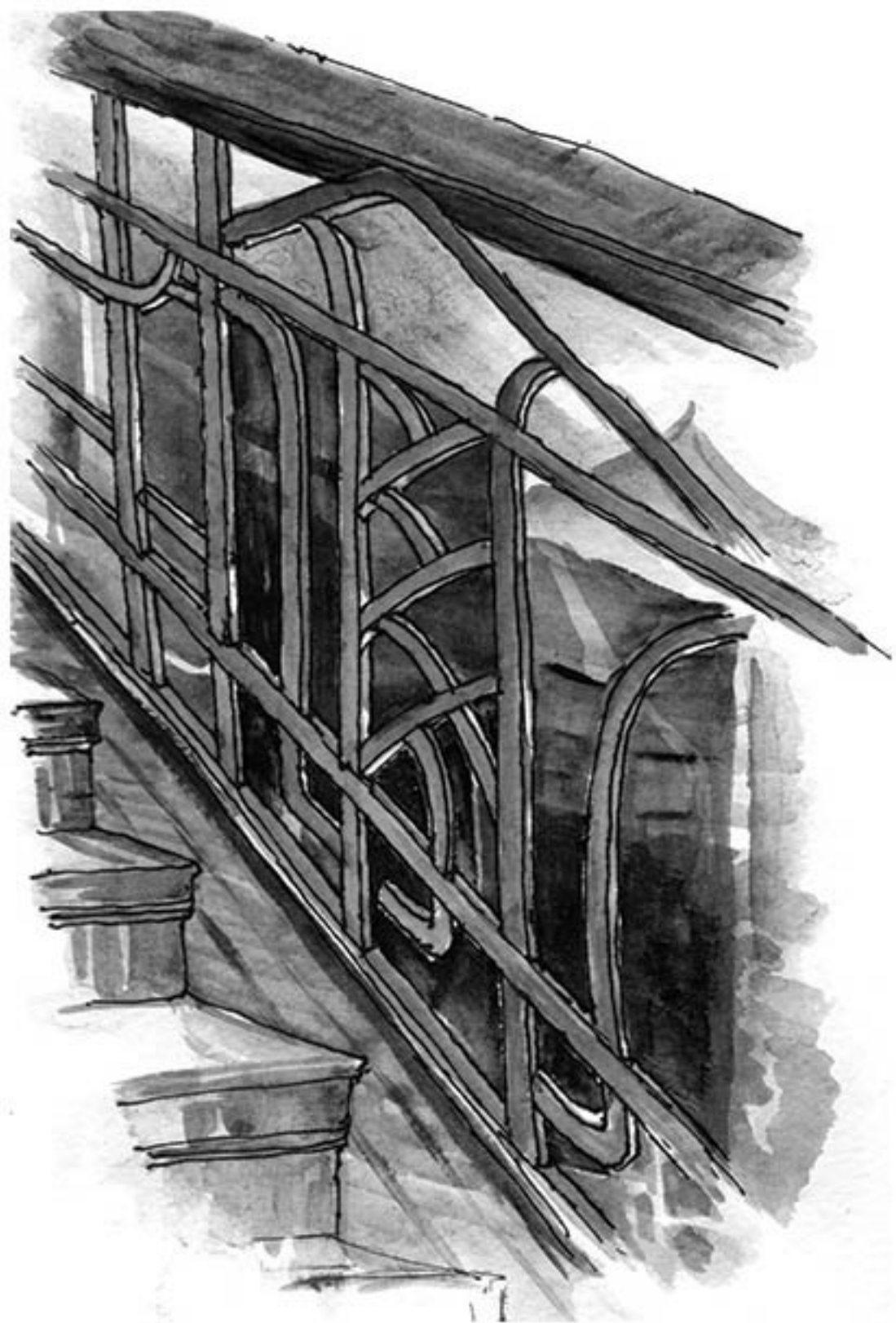
Воздух пропитался запахом сырости, пота и плесени. Из углов торчат оголенные провода, вдоль стен причудливыми змейками клубятся трубы. Кованые перила в стиле ар-деко, окислившись до оттенка киновари, ведут на лестничную площадку, куда сквозь грязные окна

¹ Мама. (Здесь и далее, если не указано иное, – примечания автора.)

² Папа.

пробивается блеклый свет. Пыль не кружится, как на улице, в причудливых пируэтах, а оседает взвесью на нашей одежде, волосах, коже, даже на языке, отчего складывается ощущение, будто облизал шерсть.

– Смотри-ка, – говорю я Клэр, – перила точно такие, как я помню: все так же изящны, даже по прошествии стольких лет такой красивый красный цвет.

С нежностью провожу рукой по поручню, замечая, что лак на моих ногтях точно такого же оттенка. Вдоль стены выстроились несколько сине-белых фарфоровых вазонов, хотя земля в них суха, как кость, и хранит лишь остатки растений, давно прекративших борьбу за жизнь.

– Вот здесь у нас был телефон, – продолжаю я, указывая на точку сбоку от лестницы. – Видишь, там, где он висел, на стене остался след. Мы со старшей сестрой Вирджинией так радовались, когда его провели. Стоило ему зазвонить, как мы мигом сбегали со второго этажа на первый! Я до сих пор наизусть помню наш номер: 2-1-3-8-2.

Клэр наклоняется, чтобы заглянуть в прихожую, от которой ведут несколько комнат с плотно закрытыми дверями.

– Как думаешь, сколько человек здесь сейчас живет – двадцать пять, тридцать?

– Примерно столько же, сколько и в мои годы, если считать прислугу. Только теперь, когда все двери наглухо закрыты, понять планировку почти невозможно. А раньше всегда были распахнуты настежь, взгляд свободно скользил через анфиладу комнат и французские окна прямо в зелень сада.

Как бы я ни сопротивлялась погружению в утраченное далекое прошлое, мне мало-помалу передается любопытство Клэр. Я чувствую себя сыщиком, ищущим следы жизни моей семьи, что текла в этих стенах семь десятилетий назад.

Я прохожу в небольшой коридор.

– Вот вход в парадную столовую. На столе всегда был безупречно начищенный европейский хрусталь и серебро, но мы там никогда не ели. А это дверь в кабинет Деде! Я обожала эту комнату – там в воздухе витал аромат старых книг и свежих чернил.

Средняя дверь чуть приоткрыта. Дочь украдкой оглядывается через плечо и заглядывает в щель; комната пуста.

– Должно быть, отсюда недавно съехали. Давай зайдем, мам.

Оказавшись внутри, я ясно вижу в воображении эту гостиную – ровно такой, какой она была в моем детстве.

– Здесь отец выставял мебель и крупные предметы искусства – столько хрупких вещей! Однажды мы с братом даже кое-что разбили. Помню, на улице было слишком холодно для игр, вот и носились тут.

Вглядываюсь в пыльное дерево пола, отыскивая следы прошлого.

– Вот они. Видишь вмятины?

Дочь опускается на колени, проводя пальцем по выбоинам на потертom паркете.

– Найди четыре вмятины совсем рядом. Это был гунши, «камень ученого», – один из любимейших предметов папиной коллекции.

– Обожаю гунши! – наклонив голову, произносит Клэр. – Не знала, что твой отец их собирал. Что случилось?

– Я столкнула его с подставки. Он ударился о пол и раскололся пополам. Я была так потрясена собственным поступком, что не могла спать неделю!

Дочь встает, отряхивая пыль с колен своих черных брюк.

Мы идем дальше, поднимаемся по лестнице туда, где когда-то располагались спальни и комнаты для неформального досуга. На каждом этаже было по три залитых светом помещения, но сейчас они мрачны и безмолвны за запертыми металлическими решетками.

– Похоже на тюрьму, – замечает Клэр.

В удушающей темноте верхней площадки слышно из-за закрытых дверей звон посуды и голос матери, ругающей ребенка. Перед визитом мы обсуждали, не стоит ли попытаться познакомиться с жильцами. Теперь же у меня не хватает духу. Я выросла здесь, но чувствую себя нарушительницей спокойствия; да, собственно, и являюсь ею, в прямом смысле слова.

Спустившись вниз, через грязную общую кухню мы идем к боковой двери, откуда когда-то можно было попасть в сад. Газон закатан в асфальт и усеян всевозможными обломками жизнедеятельности – тут и пластиковые ведра, и старые туфли, и мешки с чесноком, и перевернутые горшки. С бельевых веревок свисают кружевные бюстье и мужские шорты.

А перед моим мысленным взором оживают утренние настурции и горшки с темно-бордовыми георгинами. Вновь я слышу эхо смеха – это мы с сестрой считаем листья шелковицы и испуганно вскрикиваем, когда из-под них выпархивают насекомые.

С одной стороны двора виднеется окошко маленькой комнаты, забранное металлическими прутьями решетки, словно клетка для животного. Неясно, предназначено ли это помещение для содержания кого-то или поимки незваных гостей. Клэр делает снимки, как вдруг из этой клетки-комнаты возникает пожилой мужчина, яростно размахивающий руками. Волосы коротко стрижены и взъерошены, словно ершик для чистки бутылок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.